

Увидев гостью, Цзян Сяосань подбежал к двери.

— Здравствуйте, тётушка.

Женщина погладила его по голове.

— Привет. Что делаешь?

— Играю в камешки со вторым братом, — ответил Цзян Сяосань.

Женщина вошла во двор, огляделась, но кроме Цзян Сяоэра никого не увидела. В доме были только двое малышей, и она не решилась войти внутрь.

— Я слышала, твой старший брат нашёл приходящего зятя. Это правда?

В деревне секретов не бывает. В ту ночь Цзян Сяосань кричал так громко, что соседи Цянь всё слышали. Госпожа Цянь тут же выбежала из дома посмотреть, что происходит во дворе Цзянов, но никого не увидела. Дядя Цянь решил, что это просто детские крики, и не придал этому значения. Зная, что его невестка любит посплетничать, он даже предостерег её, чтобы она не болтала зря.

Но на следующий день госпожа Цянь и дядя Цянь услышали громкий смех Цзян Сяоэра и Цзян Сяосаня, а вместе с ним — незнакомый мужской голос. В это время Цзян Сяои и отец Цзян обычно уже уходили в горы. Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань оставались дома одни. Хотя они и были маленькими, Цзян Сяои просил дядю Цяня присматривать за ними, когда у того было время. Деревня хоть и была безопасной, и чужие здесь появлялись редко, но дом Цзянов стоял на отшибе. Если бы пришли плохие люди и утащили детей в горы, никто бы и не заметил.

Голос мужчины был незнакомым, в деревне такого не слышали. Дядя Цянь и госпожа Цянь вышли на улицу посмотреть и увидели во дворе Цзянов высокого, очень красивого молодого мужчину. Он играл с Цзян Сяоэром и Цзян Сяосанем. Неизвестно, во что они играли, но малыши смеялись до упаду, бегая вокруг него и крича:

— Гэфу, давай ещё раз, ещё раз, мы хотим ещё!

— Ах вы, негодники, только что то же самое говорили. Всё, больше не буду.

Цзян Сяосань, смеясь, как обезьянка, полез на него. Мужчина, дождавшись, пока тот заберётся наполовину, обхватил его, приподнял рубашку и начал щекотать. Цзян Сяосань дрыгал ножками и смеялся так, что даже пукнул.

Все трое выглядели очень близкими и дружными. Дядя Цянь и госпожа Цянь были поражены. Госпожа Цянь пробормотала:

— Папа, я же говорила вчера, что не ослышалась, а ты меня ещё ругал, чтобы я не болтала и не портила репутацию Цзян гэ'эру. Теперь видишь!

Сомнений не было. Вечером, собирая овощи, госпожа Цянь не удержалась и рассказала всем, кого встретила: «Цзян Сяои нашёл себе мужа, и тот уже живёт у них. Вы знали?»

Что? Цзян Сяои нашёл мужа? И тот уже живёт у них? Значит, нашёл подходящего зятя? Не может быть! Никто об этом не слышал. У Цзянов ведь есть сын, зачем им подходящий зять? Все были в недоумении и хотели узнать подробности, но госпожа Цянь сама толком ничего не знала и говорила сбивчиво.

Вчера было уже поздно, чтобы идти в гости, а сегодня, управившись с делами, невестка двоюродного дедушки пришла разузнать. Уж очень было любопытно.

Цзян Сяосань очень любил своего гэфу. Тот совсем его не презирал и даже играл с ним. Он энергично закивал.

— Да, у Сяосаня есть гэфу.

Значит, госпожа Цянь говорила правду! Женщина заглянула в две комнаты справа. Двери были открыты для проветривания, и кровати стояли прямо напротив, но она никого не увидела.

— А где же ваш гэфу? — спросила она.

Подошёл Цзян Сяоэр, держа в руках два круглых камешка. Это Цзян Сяосань нашёл их на дороге. Малыши, когда им было скучно, играли в них. Цзян Сяосань видел, как играют другие: подбрасываешь один камешек и, пока он в воздухе, успеваешь схватить другие с земли. Цзян Сяоэр, сжимая камешки, тихо сказал:

— Гэфу спит. Тётушка, тсс, давайте потише, а то разбудим гэфу.

Женщина на мгновение потеряла дар речи. Уже полдень, а он всё спит? Неужели лентяй? Но это и логично. Если бы с ним не было никаких проблем, даже если бы парень и согласился стать подходящим зятем, его родители точно были бы против. Видимо, лентяй, и родители не захотели его содержать, вот и отдали в зятя.

Только она так подумала, как Цзян Сяоэр добавил:

— Гэфу нездоров, ему нужно хорошо спать и отдыхать.

Женщина застыла. «...»

Мало того, что лентяй, так ещё и больной? Вот это да!

Слухи разлетелись, как ветер. К вечеру вся деревня Сяошань знала, что Цзян Сяои нашёл себе в приходящие зятя больного лентяя.

Семья Цзян совсем с ума сошла? Даже старшая ветвь семьи была в недоумении.

Когда новость дошла до них, они как раз ужинали. Палочки выпали из рук двоюродной бабушки, и она схватила своего маленького внука.

— Что ты сказал?

Мальчик, проглотив кусок риса, ответил:

— Только что вернулся с улицы и слышал, как несколько тётушек говорили, что третий брат нашёл приходящего зятя.

— Ты сам слышал, как они говорили? Точно про твоего третьего брата?

— Конечно! — Цзян Дамао, внук, которому было уже девять лет, всё понимал и не стал бы шутить такими вещами. — Они говорили «Цзян гэ'эр, Сяои», разве это не мой третий брат?

Цзян Дамао возвращался с поля, где рвал траву для свиней, и случайно услышал, как соседки сплетничают о Сяои. Услышав, что они говорят о нём, он остановился и подслушал. Он не мог поверить своим ушам, поэтому и спросил сейчас, правда ли третий брат нашёл зятя. Он никак не мог этого понять.

Жена старшего дяди и жена второго дяди, забыв про еду, поспешили к дому Цзянов. Отец Цзян и Цзян Сяои возвращались с гор и встретили их по дороге.

— Сяои, ты не натвори глупостей, — с тревогой сказала жена второго дяди. — Это из-за семьи Лю ты так решил?

Она думала, что Цзян Сяои, расстроившись, решил больше не выходить замуж. Но в каком положении была вторая ветвь семьи? Старая хижина, три-четыре акра скудной земли. Этого им самим не хватало на еду, куда уж им звать приходящего зятя? На что они будут жить? А если ещё и дети родятся, то с таким клочком земли и зубы на полку не положишь.

Кто вообще берёт приходящих зятьёв? Те, у кого нет сыновей, или те, у кого много земли, и они

боятся, что один сын не справится. Или те, кто очень любит свою дочь или гэ'эра и боится, что в чужой семье их будут обижать. Семья Цзян ни под одну из этих категорий не подходила.

Если уж на то пошло, можно было бы понять, если бы Цзян Сяои, заботясь о хромом отце и маленьких братьях, решил найти помощника. Но взять в дом лентяя, да ещё и больного — это либо от отчаяния, либо от глупости.

Отец Цзян понимал это, но он всегда баловал Цзян Сяои. За эти два дня он понял: тот парень был слишком красив и уже так вскружил голову его сыну, что тот и родного отца перестал узнавать. В последние дни, возвращаясь с гор, или с поля, или с речки, его сын, едва войдя в дом, тут же начинал искать глазами этого парня.

И всего за два дня, что Бай Цзыму был у них, его сын и двое младших смеялись больше, чем за последние полгода. Раньше его сыновья только и говорили что о старшем брате или о Мишке. А теперь, всего за два дня, «гэфу» заменил «Мишку». Все трое детей буквально ожили. Что он мог сказать?

Жена второго дяди и жена старшего дяди наперебой пытались образумить Цзян Сяои, но тот был непреклонен, как скала.

— Тётушки, я не сошёл с ума. Я... я просто люблю его.

Жена старшего дяди и жена второго дяди впервые слышали от него такие слова. Увидев его покрасневшее лицо и сияющие от счастья глаза, они замолчали. Раньше Цзян Сяои таким не был. Даже когда ему сватали Лю Хуцзы и спрашивали его мнение, он лишь равнодушно отвечал: «Как скажете, тётушка», без всякого выражения на лице. Когда он был таким?

Незаметно они подошли к дому. Цзян Сяосань, услышав голоса, выбежал из кухни.

— Отец, старший брат! Ой, и тётушки пришли!

Отец Цзян посмотрел на него.

— Чего бегаешь?

Цзян Сяосань шмыгнул носом и радостно сказал:

— Ужинать! Гэфу приготовил ужин и пожарил овощи, так вкусно пахнет!

Только тут все почувствовали доносящийся из дома аромат. Трудно было описать, что это, но запах был очень аппетитным.

Бай Цзыму, закончив с овощами, вышел из кухни с Цзян Сяоэром на руках.

— Вернулись. Быстро мойте руки и садитесь есть... А, здравствуйте, тётушка старшего дяди, тётушка второго дяди.

Женщины, услышав его, инстинктивно подняли головы. Увидев Бай Цзыму, их глаза заблестели. Бай Цзыму стоял в дверях кухни, и косые лучи заходящего солнца, падая на него, придавали ему мягкость. Даже в старой одежде отца Цзяна он не терял своего великолепия. Высокий, стройный, с чёткими чертами лица — и ростом, и внешностью он был великолепен.

Ну и дела... Жёны дядей одновременно посмотрели на Цзян Сяои и всё поняли.

Так вот оно что! Их Сяои не дурак. Раньше он и не думал о приходящем зяте. А тут вдруг привёл в дом мужчину, да ещё, по слухам, ленивого и больного. Они уговаривали его, не понимая, в чём дело. А теперь, увидев его, они всё поняли. Бай Цзыму был невероятно красив. Обе женщины на мгновение даже растерялись.

Но они были уже в возрасте, не глупые девчонки. В жизни важны дрова, рис, масло и соль. Не красотой же сыт будешь. Если бы семья не нуждалась, можно было бы взять такого мужа. Одного взгляда на него за едой было бы достаточно, чтобы съесть на две миски больше. Но когда в доме шаром покати, даже если его красота и вызывает аппетит, а риса нет, то что толку?

Хороший муж — сытый стол. Муж-лентяй — пустая каша. Главное — чтобы живот был полон.

Жена старшего дяди и жена второго дяди быстро пришли в себя. Отец Цзян по дороге сказал им, что Бай Цзыму раньше попрошайничал на улице. А попрошайки — это либо беженцы, либо лентяи... Этот парень, с руками и ногами, не пошёл рубить дрова, а целыми днями спит до полудня. Несомненно, слухи в деревне были правдой. Это лентяй.

Женщины снова оттащили отца Цзяна и Цзян Сяои в сторону. Бай Цзыму взглянул на них и завёл детей в кухню. Ему и гадать не нужно было, он и так знал, о чём они говорят. Наверняка спрашивают Цзян Сяои, как ему так повезло найти такого зятя, который и в дом, и на кухню годится.

***

Вечером была жидкая каша, жареная кисло-острая капуста и салат из сушёных побегов бамбука.

В доме Цзянов было совсем бедно. Масло и соль принёс Бай Цзыму в прошлый раз, других приправ не было. Чтобы приготовить что-то вкусное, нужно было проявить смекалку. Кисло-острая капуста была приготовлена с обжаренным красным перцем, куда потом добавили

капусту и немного сока от квашеных овощей. Получилось кисло и остро, очень вкусно. Сушёные побеги бамбука были замочены, отварены, нарезаны, затем к ним добавили толчёный чеснок, немного кинзы, перца, залили всё это горячим маслом и перемешали. Аромат был невероятный.

Семья Цзян, сев за стол, молча набросилась на еду.

У Цзян Сяосаня была странная привычка: когда он ел что-то вкусное, он начинал мотать головой из стороны в сторону. Бай Цзыму положил ему в миску палочку побегов бамбука и придержал его за голову, боясь, что тот от усердия станет ещё глупее.

— Не мотай, а то голова улетит.

Цзян Сяосань, причмокивая кашей и жуя побеги, посмотрел на Бай Цзыму и пролепетал:

— Не боюсь, моя голова самая послушная, она не улетит. А если и улетит, ничего страшного, я её позову, и она вернётся. Гэфу, не волнуйся.

Бай Цзыму застыл. «...»

Этот его шурин был тот ещё фрукт. Голова улетит, а он её назад позовёт. У него самого пока таких способностей не было. Бай Цзыму вытер лицо и оставил его в покое.

Отец Цзян заметил, что Бай Цзыму, казалось, очень хорошо ладит с детьми, совсем не как чужой. Если бы он любил детей, то, придя в первый раз и не зная их характера, он бы максимум погладил по щеке или обнял. Но Бай Цзыму был другим. Он, казалось, прекрасно понимал детей, не боялся сказать что-то не то, от чего ребёнок мог бы расстроиться или закапризничать. Он говорил что думал, и даже часто называл Цзян Сяосаня «негодником».

Сначала отец Цзян думал, что он, как и другие, считает Цзян Сяосаня глупым, но, присмотревшись, он не увидел в глазах Бай Цзыму ни капли отвращения. Наоборот, к Цзян Сяосаню он относился с особым терпением. Цзян Сяосань был подвижным и болтливым. Иногда, устав, отец Цзян отделивался от его вопросов, но Бай Цзыму никогда так не делал. Он, казалось, был очень терпелив и всегда отвечал на вопросы Цзян Сяосаня, не упрекая его в болтливости.

И ещё... отец Цзян посмотрел на блюда на столе. Если он лентяй, то откуда он умеет готовить? Да ещё и так вкусно. Это была обычная капуста, но казалась вкуснее мяса.

Ладно, пусть остаётся. Если будет помогать по дому, это уже хорошо. А в горы он и сам ходит, нарубит побольше дров, и как-нибудь проживут. Другого выхода всё равно нет.

Тем временем, в доме старшей ветви семьи, как только жена старшего дяди и жена второго

дяди вернулись, их тут же окружили мужья.

— Ну как, правда, что ли, что слухи ходят?

— Да, — сказала жена старшего дяди. — Парня зовут Бай Цыму. Третий сказал, что он просто немного ленив, а не больной, как говорят.

«Даже если просто лентяй, это уже плохо». Двоюродная бабушка нахмурилась.

— Вы уговаривали Сяои? Он ещё молодой, может глупостей натворить.

Хотя у второй ветви был отец Цзян, двоюродная бабушка знала, что он балует детей, и в доме в основном всем заправлял Цзян Сяои. Если он решил взять зятя, то отец Цзян, даже если и был против, скорее всего, уступил бы.

Жена второго дяди вздохнула и, сев за стол, с досадой потёрла лоб.

— Уговаривали, но Сяои не слушает. Похоже, он настроен серьёзно.

— Вот глупый! — хлопнула себя по бёдрам двоюродная бабушка. — О чём он только думает? Ему что, сейчас мало горя? Нет, я должна пойти к нему, нельзя позволить ему прыгнуть в огонь.

— Мама, — жена старшего дяди с головной болью остановила её, прося не ходить. Если бы Цзян Сяои хотел слушать, он бы их послушал. Но раз он упёрся, то никакие уговоры не помогут.

Двоюродная бабушка вздохнула. Она знала, что у Цзян Сяои свой характер. Все эти годы некоторые говорили, что он дерётся и ведёт себя не как гэ'эр, что он ничего не понимает. Но он был гэ'эром, отец часто был не дома. Если бы он не был жёстким, деревенские задиры залезли бы ему на голову. Цзян Сяои всё это понимал, и у него был свой стержень. Уговаривать его раз-другой можно, но если настаивать, то, будучи чужой, можно и на грубость нарваться.

— Вы хоть видели этого парня? — со вздохом спросила двоюродная бабушка, словно смирившись.

— Да, — ответила жена старшего дяди. — Видели.

— И как он? — тут же подскочили младшие. Им было очень любопытно. Лентяй он или нет, больной или здоровый — это их не очень волновало. Больше всего им хотелось знать, как он выглядит.

Жена второго дяди хлопнула по столу.

— Хорошо, чертовски хорошо. Я за всю свою жизнь такого не видела.

Младшие, услышав это, ещё больше загорелись любопытством.

— Мама, парень Сяои-гэ правда такой красивый?

— А что, я врать буду? Увидите — поймёте, — жена старшего дяди посмотрела на двоюродную бабушку. — Сяои сказал, что он не больной, просто в последнее время ослаб. И не лентяй.

— Не лентяй? Невестка твоего двоюродного дедушки сказала, что он спит до полудня, — недовольно возразила двоюродная бабушка. Этот парень, только пришёл, а уже так себя ведёт. Что же будет дальше? Она снова забеспокоилась и уже хотела пойти и всё-таки уговорить Цзян Сяои, пусть даже он и рассердится. Иначе как он будет жить дальше? Но только она встала, как жена второго дяди добавила:

— Кто знает, правда это или нет. Если он лентяй, то почему он только что ужин приготовил?

— Что? Он ещё и готовил? — вся семья была в шоке. Чжан Дая чуть со стула не упала.

— Да! Перед уходом я заглянула. Не знаю, что там, но пахло очень вкусно, и выглядело аппетитно. Я и не знала, что капусту можно так вкусно приготовить. И ещё, он обнимал Сяоэра. Сяоэр и Сяосань, кажется, его очень любят.

— Правда? — двоюродная бабушка замолчала. Хотя дети маленькие и глупые, они очень чувствительны. Они сразу понимают, кто к ним искренне относится, а кто нет.

Жена старшего дяди продолжила:

— Сяои сказал, что парень сейчас нездоров. Когда поправится, он приведёт его к нам познакомиться.

Хотя семьи и жили отдельно, их деды были родными братьями. Цзян Сяои, приведя в дом Бай Цзыму, должен был в первый же день сообщить об этом старшей ветви. Но отец Цзян решил сначала присмотреться к Бай Цзыму пару дней, чтобы понять, что он за человек. В ту ночь, когда Бай Цзыму пришёл, он спросил Цзян Сяои, и тот сказал, что по дороге они никого не встретили. Их дом на отшибе, сейчас, когда зерно убрано, в ту сторону мало кто ходит. Если что не так, можно будет быстро его выпроводить. Но когда в полдень пришла невестка двоюродного дедушки, он понял, что слухи уже поползли, и хотел вечером пойти к старшей ветви, но они пришли первыми.

— Раз так, то пусть будет, — сказала двоюродная бабушка.

На следующий день младшие из старшей ветви, едва проснувшись, побежали ко второй ветви.

Цзян Сяосань, увидев их, радостно воскликнул:

— Братья, сёстры, вы чего пришли?

— Посмотреть на мужа третьего брата.

В семье старшего и второго дяди было три дочери и один гэ'эр. Две старшие дочери уже были замужем и были старше Цзян Сяои. Среди девушек и гэ'эров Цзян Сяои был третьим, поэтому младшие называли его «третьим братом».

— Гэфу спит, — сказал Цзян Сяосань. — Ещё не встал.

— О, — дети были разочарованы. — А можно нам тихонько посмотреть?

Цзян Сяосань подумал и кивнул.

— Можно, только не шумите.

— Хорошо.

И вот, когда Бай Цзыму открыл глаза, он увидел в окне главной комнаты пять маленьких голов, и у всех блестели глаза.

<http://bllate.org/book/13701/1590078>